

Тан Лэ залопотал глазами и сказал:

— Хочу съесть глиняный горшок с рисом.

Услышав это, Мэй Цзинмо с шутливым матом выругался:

— Да я в рот...

За ужином он приготовил ему тот самый рис в горшочке, но тот не стал есть, зато теперь, среди ночи, снова потребовал рис в горшочке.

Однако, глядя на жалкий вид Маленького Тан Лэ, он снова не смог устоять.

Тогда Мэй Цзинмо вздохнул и поднялся, чтобы пойти на кухню и приготовить Маленькому Тан Лэ рис. На кухне ярко пылал очаг, повсюду витал аппетитный аромат, и вскоре ароматный рис в горшочке был готов.

За обеденным столом Маленький Тан Лэ уплетал рис за обе щеки, а Мэй Цзинмо, глядя на его довольную физиономию, не удержался и сам отправил в рот пару ложек. На этот раз рис в горшочке показался ему особенно вкусным.

— Вкусно? — спросил Мэй Цзинмо у Маленького Тан Лэ.

Маленький Тан Лэ ел с огромным удовольствием, в уголке рта у него даже застряло несколько рисинок. Он хмыкнул, кивнул и произнес:

— Ой, как вкусно! Третий дядя, а тридцать лянов — это сколько денег?

Мэй Цзинмо усмехнулся и мягко проговорил:

— Ах ты, паршивец, неужто хочешь помочь тем брату с сестрой? Только вот я должен тебя предупредить: если ты и дальше хочешь дружить с ними по-человечески, лучше не суй им деньги напрямую.

Услышав это, Маленький Тан Лэ вытаращил глаза:

— Третий дядя, откуда ты знаешь, о чем я думаю? Ты что, умеешь читать мысли?

Мэй Цзинмо усмехнулся про себя: прожив сто лет, если бы он не смог раскусить такую простую малявку, как он, то прожил бы свою жизнь зря.

Маленький Тан Лэ почесал в затылке и озадаченно спросил:

— А почему нельзя напрямую деньгами помогать?

Мэй Цзинмо усмехнулся и легко покачал головой.

— Эх, Тан Лэ, понимаешь ли ты? Кое-какие вещи в этом мире устроены не так уж просто. Бывает, поможешь человеку, а он не только не благодарен, но еще и считает, что ты был обязан это сделать. Стоит тебе в следующий раз чуть-чуть замешкаться, как он тут же на тебя взъестся.

Маленький Тан Лэ захлопал большими глазами и непонимающе спросил:

— С чего это ему злиться-то? Я же ему ничего не должен.

Мэй Цзинмо вздохнул и терпеливо объяснил:

— Эх, дело тут вовсе не в том, должен ты или нет, а в том, что у них на уме. Подумай сам: если ты вечно будешь ему помогать, он может решить, что сам ни на что не годен и способен жить только за счет других. Со временем у него возникнет тяжелое внутреннее давление: покажется, что он должен тебе все больше и больше, а расплатиться не может.

Маленький Тан Лэ встревожился:

— Но я же не заставляю его возвращать!

Мэй Цзинмо слегка улыбнулся:

— Слова-то словами, но чужую душу не угадаешь. Поначалу он, пожалуй, и будет тебе благодарен, но со временем эта благодарность превратится в зависимость и комплекс неполноценности. Ему покажется, что он без тебя пропадет, и в то же время — что от него самого нет никакой пользы. В таком случае в один прекрасный день, когда ты будешь слишком занят и не сможешь уделить ему внимание, он непременно начнет тебя винить.

Маленький Тан Лэ покачал головой, явно ничего не понимая.

Мэй Цзинмо похлопал его по плечу:

— Вот почему к помощи нужно подходить с умом. Порой излишняя помощь приносит лишь вред.

Выслушав слова Мэй Цзинмо, Маленький Тан Лэ все же чувствовал себя немного неуютно:

— Я не понимаю, но уж неблагодарным человеком я точно не стану!

Мэй Цзинмо посмотрел на него и с улыбкой спросил:

— А сам-то ты как думаешь, как я к тебе отношусь?

Маленький Тан Лэ призадумался, кивнул и ответил:

— Хорошо! Третий дядя ко мне лучше всех!

Мэй Цзинмо улыбнулся и неторопливо произнес:

— Помнишь, как в прошлый раз ты горланил, что тебе нужен тот полный комплект романов о боевых искусствах? Тогда был конец месяца, я как раз ломал голову над уплатой налогов, в карманах было пусто, и я прямо сказал тебе о своих трудностях. А ты? Разве ты не скривил тогда лицо?

Услышав это, Маленький Тан Лэ вздрогнул. Сначала он хотел было возразить пару слов, но вспомнив, и впрямь сообразил, что был тогда не в лучшем расположении духа. Он опустил голову, прижал уши и тихо пробормотал:

— Прости, третий дядя, я был неправ...

Увидев его таким, Мэй Цзинмо смягчился, протянул руку, взъерошил его растрепанные волосы и с улыбкой сказал:

— Это человеческая природа, не кори себя слишком сильно, маленький неблагодарный волчонок. Пример, пожалуй, не совсем подходящий, но смысл тот же.

Увидев, что Маленький Тан Лэ поел, он принялся собирать посуду, а разобравшись, повернулся и направился на кухню. Огонь в печи еще не остыл, и он решил перемыть тарелки, пока вода теплая.

Стоило ему присесть на корточки, как Маленький Тан Лэ неожиданно набросился сзади и крепко обхватил его за ногу.

— Третий дядя... у тебя вроде бы нет никакой обязанности нянчиться со мной... — в голосе Маленького Тан Лэ звучала неподдельная серьезность, смешанная с каплей признательности. — Так что... спасибо, третий дядя, за то, что столько времени заботился обо мне...

— А мне вовсе не нужна твоя благодарность, и тем более не нужно, чтобы ты что-то для меня делал... — Мэй Цзинмо пожал плечами. — Тебе достаточно просто жить...

Просто жить — терять ему больше поистине было нечего.

Ночь уже перевалила за полночь, и Маленький Тан Лэ всю зевал от усталости. Мэй Цзинмо на цыпочках отнес его на кровать, помог снять верхнюю одежду и переодел в мягкую пижаму. Тан Лэ ворохнулся на постели, ословело приоткрыл глаза и посмотрел на Мэй Цзинмо, похоже, еще окончательно не проснувшись.

— Третий дядя, я сегодня встретил бандитов, — голос Маленького Тан Лэ звучал напряженно, но с оттенком возбуждения. — И даже вытащил из их лап Сяо Ин.

Услышав это, Мэй Цзинмо улыбнулся и легко потрепал его по голове:

— Знаю, я все знаю.

Маленький Тан Лэ, казалось, все еще переживал и добавил:

— Правда, я тебе не вру.

Мэй Цзинмо с улыбкой кивнул:

— Верю, Лэ-эр, третий дядя тебе верит.

Тогда Маленький Тан Лэ успокоился, снова зевнул, и его веки начали слипаться. Мэй Цзинмо укрыл его одеялом и тихонько произнес:

— Спи, поговорим завтра.

Тан Лэ кивнул, закрыл глаза и мгновенно уснул. Сегодня он и впрямь выбился из сил, ему требовался хороший отдых.

Глядя на его безмятежное спящее лицо, Мэй Цзинмо почувствовал на душе тепло. Он подошел к постели и развязал узелок с пожитками Тан Лэ: внутри обнаружились всякие мелочи — деревянный меч, несколько сменных одежек и немного сухих лепешек.

Подумать только, — промелькнуло у него в голове, — у этого сорванца за душой всего ничего, а он уже посмел сбежать из дому! Настоящий слепой щенок тигра не боится.

Покопавшись в узелке, он внезапно нащупал письмо. Вытащив его, он разглядел изящный почерк — это было послание Мэй Цяньсюэ к Мэй Ганю. И демоны ведают, где эта кроха умудрилась его откопать!

На конверте значилось место отправления: Город Хаоцзин. Судя по всему, побег этого сорванца затевался ради того, чтобы отправиться в столицу на поиски матушки?

Письмецо оказалось коротким, всего пара строк, но читать его было смешно.

— Папа, мы с Тан Чжэном сбежали! Не скучай.

— Да я же не был против вашей свадьбы! Какой к черту побег, с головой у нее не все дома.

Мэй Цзинмо с усмешкой пошутил про себя: если бы этот самый Тан Чжэн не помешался на спасении Лунъюаня и достижении всеобщего благоденствия в Поднебесной — идеях столь же недостижимых, — Маленький Тан Лэ, глядишь, и не стал бы сиротой.

Жили бы себе припеваючи. Дочь у него была одна-единственная, сокровище ненаглядное, и все его накопления в будущем — включая титул герцога Нормани, те миллиарды золотых монет,

что он заработал за годы контрабанды, руководства заводами и финансовых махинаций — предназначались именно этой парочке.

Но нет же, оба страдали неизлечимым диагнозом на всю голову. Сам Тан Чжэн прямо посреди свадебной церемонии услышал весть о падении родины, бросил невесту у алтаря и умчался. Рейсов в Луньюань тогда в помине не было, так он раздобыл лодку и поплыл туда в одиночку на веслах. А дочка его, не раздумывая ни о чем, отбросила вообще все и бросилась в погоню за Тан Чжэном.

В конце концов хорошего конца они оба не сыскали и сгинули вместе.

Всеобщего благоденствия достичь не вышло, но Луньюань хотя бы отбили у этой нечисти — считай, прожили жизнь не зря.

Вот только жаль, что люди, которых должно было величать героями, в глазах нового императора теперь прослыли мятежниками.

Письмецо обожгло пальцы. Поразмыслив немного, Мэй Цзинмо бросил бумажку на свечу и принялся смотреть, как пламя постепенно пожирает ее, превращая в горстку пепла.

<http://bllate.org/book/21057/2141086>